

ЕВГЕНИЙ ЛЕДНИКОВ

О стиле ведения полемики г-ном Суровцевым В. А.

В 2000 году в журнале «Вопросы философии» №7 мною была опубликована рецензия на перевод книги Б. Рассела «Философия логического атомизма», сделанный неким Суровцевым В. А. и изданный в 1999 году томским издательством «Водолей». Я посчитал перевод неудачным, видя причину этого в низкой логической культуре переводчика. Б. Рассел является таким философом, у которого философские и логические идеи крайне тесно связаны друг с другом. Поэтому человеку, берущемуся за перевод Рассела, просто необходимо знание современной символической логики, в том числе терминологии, используемой в российской логико-философской литературе. Она складывалась и уточнялась в процессе переводов классических зарубежных трудов по логике, осуществлявшихся нашими старшими коллегами в 40-х и 50-х годах минувшего столетия. Не обладая таким знанием, Суровцев либо переводил «наугад», либо давал волю своей фантазии, что в любом случае приводило к серьезному искажению им расселовских мыслей. Смысл моей рецензии сводился к тому, что нельзя судить о предмете, не обладая соответствующей квалификацией, и мне трудно было себе представить, что Суровцев решится оспаривать столь очевидный тезис. Но оспаривает он его, нарушая каноны честной полемики, переиначивая мои высказывания и сочиняя аргументы в свою пользу. При этом Суровцев не брезгает и откровенной ложью. Речь идет о содержании его «реплики» (правда, в два раза превышающей по объему мою рецензию), опубликованной в журнале «Вопросы философии» за 2001 год, №12. Увы, я только недавно ознакомился с ней, почему мой ответ может показаться несколько запоздалым. И все же я хочу убедить читателя в том, что он необходим.

Обратимся к фактам. Я указал в рецензии, что английское существительное *proposition* принято переводить на русский язык как *суждение* со времен публикации фундаментальной работы А. Черча «Введение в математическую логику»¹. С ее изучения начиналось проникновение в тонкости логики для нескольких поколений отечественных логиков-математиков и логиков-философов. Казалось бы, о чем тут спорить? Беда Суровцева в том, что в период

¹ Черч А. Введение в математическую логику. М., ИЛ, 1960, с.10, 32.

работы над переводом Рассела он о существовании книги А. Черча, по-видимому, и не подозревал, отчего, не мудрствуя лукаво, делал кальку с английского, вводя в русский язык существительное *пропозиция*. В результате в тексте перевода мы сталкиваемся с такими неудобоваримыми выражениями, как *общие пропозиции* (с. 3), *логическая пропозиция* (с. 25), *ложная положительная пропозиция* (с. 39), которые читатель книги Суровцева просто не поймет. А между тем данные фразы означают всего лишь *общее суждение*, *логически истинное суждение*, *ложное утвердительное суждение*, известные каждому, кто прослушал хотя бы общеобразовательный курс логики на одном из гуманитарных факультетов российских университетов. К тому же Суровцев сам себе противоречит, когда на с. 187 наконец-то переводит *proposition* как *суждение*.

Но соглашаться с моей критикой ему не хочется. И вот Суровцев более чем на машинописную страницу нагромождает в «реплике», с позволения сказать, «аргументацию», согласно которой *proposition* следует переводить как... *пропозицию*. Пусть читатель сам оценит «оригинальность» подобного решения. Я же хочу обратить внимание на другое обстоятельство — почему Суровцев полемизирует со мной, а не с переводчиком и редактором книги А. Черча? Кстати, последним был известный специалист в области математической логики, профессор кафедры математической логики МГУ Успенский В. А., квалификацию которого (в отличие от квалификации Суровцева) вряд ли кто осмелится поставить под сомнение. И если бы Суровцев внимательно прочитал с. 32 учебника А. Черча, то он нашел бы там ответы на все вопросы, касающиеся перевода на русский язык английского термина *proposition*. В частности, он бы узнал о том, как в англоязычной логико-философской литературе слово *judgement*, использовавшееся ранее для обозначения *суждения в аристотелевском смысле*, постепенно вытеснялось словом *proposition*, обозначающим *более широкое понимание суждения*. Но, как говорится, Суровцев — не читатель, он писатель...

В поддержку своей точки зрения Суровцев ссылается на почти 600-страничную переводную монографию, вышедшую в 1986 году, в которой слово *proposition*, как он утверждает, якобы тоже переводилось как *пропозиция*. Но при этом не указывает страниц, на которых встречается подобный перевод! Нечего сказать, интересная форма аргументации! Мне подобные места в данной книге отыскать не удалось, поэтому называть ее не буду. Кроме того, значительная ее часть переводилась тогдашними аспирантами, которые вполне могли допустить отдельные неточности при переводе — на то они и аспиранты. Неужели, г-н Суровцев, этично прибегать к подобным аргументам? Неужели книга, переведенная аспирантами, перевешивает классический перевод книги А. Черча?

Если же Суровцев намерен упорствовать в том, что я (вместе с остальными российскими логиками) пал жертвой ошибки, совершенной более 40 лет назад переводчиком и редактором книги А. Черча, и даже самим А. Черчем, то пусть внимательно почитает хотя бы пару источников, первыми попавшихся мне под руку. Известная (разумеется, специалистам) книга талантливо-го американского философа А. Папа, рано ушедшего из жизни², уже на с. 3 содержит фразу: «Kant's distinction between analytic and synthetic proposi-

² Pap A. *Semantics and Necessary Truth*. Yale Univ. Press, 1958.

tions...», которая, разумеется, переводится как «кантовское различие между аналитическими и синтетическими суждениями...». Или же Суровцев всерьез полагает, что Кант говорил о различии между аналитическими и синтетическими *пропозициями*? Утверждать такое — означало бы полностью утратить чувство реальности. Второй пример — из перевода книги Б. Рассела «Введение в математическую философию»³, на которую в своей «реплике» ссылается и Суровцев. На с. 144 этой книги слово *proposition* переведено именно как *суждение*, и далее следует расселовское объяснение этого термина, несколько не похожее на то, на котором Суровцев настаивает в своей «реплике». Почему Суровцев утаивает от читателя данное обстоятельство? Или он не дочитал книгу до 144-ой страницы? На этой же странице доходчиво разъясняется смысл понятия «пропозициональная функция», с которым у Суровцева тоже, похоже, неладит, ибо он, в очередной раз дав волю своей необузданной фантазии, относит к пропозициональным функциям логические связи (что в корне неверно), а затем такую, с позволения сказать, «пропозициональную функцию» называет не имеющим хождения в логике термином «высказывательная функция» в противовес известному термину «функция-высказывание», который иногда, хотя и достаточно редко, действительно используется в качестве синонима «пропозициональной функции»⁴.

И последнее замечание по поводу злосчастных «пропозиций». В 2001 году Суровцев выпустил очередное свое «творение» — маловразумительную книгу с претенциозным названием «Автономия логики»⁵. Я оставляю за собой право оценить ее научные достоинства, вернее, отсутствие таковых, в ближайшем будущем, а пока только отмечу, что из раздела книги, посвященного Расселу, полностью исчезли *пропозиции*! Зато часто стали встречаться *суждения*! (См., например, с. 51, 53, 65, 70, 71, 73). Выходит, г-н Суровцев, вы все-таки прислушались к рекомендациям рецензента? Но почему же вы в таком случае не поблагодарили меня за науку хотя бы в частном письме и не извинились за свою «реплику»? В связи с данным эпизодом ваша научная нечистоплотность, г-н Суровцев, становится очевидной любому непредвзятому читателю, поскольку книга «Автономия логики» была подписана в печать за 8 месяцев до опубликования вашей «реплики»!

Когда я обращаю внимание Суровцева на то, что в логико-философских контекстах английский термин *belief* следует переводить как *мнение*, а не как *убеждение*, я опять-таки ничего не сочиняю, а ссылаюсь на ставший классическим перевод книги Р. Карнапа «Значение и необходимость»⁶. Можно еще упомянуть фундаментальную работу Я. Хинтикки⁷, посвященную логическим аспектам взаимоотношения *знания* и *мнения*, — проблеме, восходящей к Пармениду. В ответ же получаю обвинение в приверженности коммунистической идеологии (?!). И опять никакого обсуждения первоисточника! Когда я

³ Рассел Б. Введение в математическую философию. М., «Гнозис», 1996.

⁴ См. Тарский Альфред. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., ИЛ, 1948, с. 33.

⁵ Суровцев В. А. Автономия логики. Изд. Томского ун-та, 2001.

⁶ Карнап Р. Значение и необходимость. М., ИЛ, 1959, с. 331.

⁷ Hintikka J. Knowledge and Belief. Introduction to the Logic of Two Notions. Cornell Univ. Press, Ithaca, 1962.

говорю, со ссылкой на перевод А. Черча (с.465–466), что прилагательное *primitive* следует переводить русским прилагательным *исходный* (в том смысле, что, скажем, исходные символы теории являются *неопределяемыми*, поскольку их можно задать только списком), а не нелепым *примитивный* и тем более не как *примитив*, то Суровцев в ответ прибегает к подлогу — он намеренно опускает слово *исходный*, чтобы иметь возможность ответить мне трюизмом, что «неопределяемый» по-английски означает *undefinable*. Когда я говорю, что выражение *truth functions* лучше переводить как *функции истинности*⁸, а не как *истинностные функции*⁹, Суровцев, что называется, не моргнув глазом, заявляет, что именно так, как это сделал он, чаще всего переводят данное выражение. После чего в книге «Автономия логики» он неоднократно использует эту мою рекомендацию (с. 203–209), что трудно оценить иначе, как интеллектуальное мошенничество. Кстати сказать, книга «Введение в математическую философию», в которой Суровцев пытается найти поддержку своим фантазиям, предельно отчетливо демонстрирует нелепость прилагательного *примитивный*, в частности, в отношении аксиом арифметики Пеано (которые на с. 15 крайне неудачно названы «примитивными утверждениями»). Г-н Суровцев! Попробуйте-ка в кругу математиков назвать принцип математической индукции, одну из аксиом арифметики Пеано, «примитивным утверждением»! Больше вас в их компанию не пустят..

Я обращаю внимание на то, что *apparent variables* на русский язык принято переводить как *кажущиеся переменные*, а Суровцеву хочется переводить как *мнимые переменные*, хотя этот вариант перевода вообще отсутствует в англо-русских словарях. Более того, предлагаемая Суровцевым надуманная аналогия между подлинными и кажущимися переменными с одной стороны и действительными и мнимыми числами с другой попросту безграмотна, поскольку мнимые числа — это все-таки числа, а кажущиеся переменные — *не* переменные вовсе. Так что напрасно вы, г-н Суровцев, пытаетесь приписать данную аналогию Расселу — ничего подобного не могло бы прийти Расселу в голову!

Это же касается перевода прилагательного *ultimate*. Исходя из содержания текста, его следует переводить как *первичное* (оно относится к понятию отрицания), а Суровцев безапелляционно заявляет, что речь идет о *предельном* отрицании. Между тем английское прилагательное *ultimate* имеет в русском языке значение *предельный* только в смысле *максимально допустимый* — например, в выражениях *ultimate load* (предельная нагрузка), *ultimate output* (максимальная мощность). А Рассел ведь рассуждал о логических атомах...

Когда я обращаю внимание на то, что приведенные Суровцевым на с. 188–189 формулы лишены синтаксического смысла, Суровцев отвечает, что формулы принадлежат Л. Витгенштейну, «который вряд ли заслуживает обвинений в синтаксической некорректности». Воистину неисповедимы зиг-

⁸ Оно подразумевает функции, аргументами которых являются истинностные значения высказываний. Сошлюсь на знакомую Суровцеву книгу «Основы теоретической логики» Д.Гильберта и В.Аккермана, М., ИЛ, 1947, с.21.

⁹ Любой читатель, знакомый с понятием функции, поймет, что надо, скажем, говорить *функция действительного переменного*, но не *действительнопеременная функция*!

заги мысли у неграмотного человека! Что, Суровцев получил эти формулы от самого Витгенштейна? А если в книгу, из которой он их переписывал, вкралась опечатка? Выходит, сам Суровцев оценить корректность приводимых им формул не в состоянии? Увы, он часто пишет о том, чего не понимает...

Но особенно возмущает реакция Суровцева на замечание, которым я фактически уличаю его в *элементарной* логической безграмотности, непозволительной даже для студентов. Здесь речь идет уже не о выборе и толковании терминов. Он оказался неспособным понять и правильно перевести расселовский пример, носящий учебный характер (его многие преподаватели логики приводят студентам на лекциях, когда хотят продемонстрировать логическое несовершенство естественного языка). Рассел, рассматривая случай, когда в обеих посылках простого категорического силлогизма в качестве предикации выступает принадлежность элемента множеству, являющаяся нетранзитивной, говорит, что из посылок *Люди многочисленны (numerous)* и *Сократ — человек* не следует вывод, что *Сократ — многочисленный*. Суровцев же переводит так: нельзя из посылок *Людей много* и *Сократ — человек* делать вывод, что *Сократов много*. Кто надоумил Суровцева переводить английское прилагательное *numerous* числительным *много*? К тому же, сколько Сократов, много их или мало, вопрос фактических обстоятельств, не имеющих отношения к логической структуре рассуждений. И что же Суровцев мне отвечает? Вместо того чтобы стыдливо промолчать и почитать о логической многозначности связки «есть»¹⁰, он наставляет меня, одновременно обманывая читателя, что транзитивность здесь ни при чем, что Рассел, дескать, хочет проиллюстрировать невозможность «рассматривать кванторные выражения как реальные предикаты». Что намеревался сказать Суровцев посредством этой лишённой всякого смысла фразы (лишённой смысла, поскольку логика не знает никаких «реальных» предикатов)? Что Рассел не допускает выражения существования с помощью кванторов? Но это верно с точностью «до наоборот», и сам Суровцев в книге «Автономия логики» утверждает уже нечто диаметрально противоположное сказанному в «реплике», а именно, что у Рассела «существование полностью выражается квантором» (с.67). Или Суровцев уже забыл, о чем говорил в «реплике»? Вообще, говорит ли Суровцев, что думает, и думает ли, что он говорит?

В целом же суть «реплики» Суровцева сводится к тому, что могут существовать разные концепции перевода, и нельзя одну из них признавать правильной, а другие — ошибочными. Но терминологическая чехарда, устроенная Суровцевым в рецензируемой книге — это не «концепция», и бессмысленный перевод примера с Сократом — тоже не «концепция». Все это следствие его беспомощности как переводчика и отсутствия у него элементарной логической грамотности. Представим себе, что переводчик книги по математике станет называть производную «дериватом», а цифры — «нумералами». Кто бы пропустил к изданию подобный перевод? К сожалению, у редакторов философской литературы не столь жесткие требования к профессионализ-

¹⁰ Например, книгу А. А. Френкеля и И. Бар-Хиллела. Основания теории множеств. Изд. «Мир», М., 1966, с. 227.

му — вот и гуляют по переводным работам «пропозиции», «демонстративы», «атрибутивы», «базисные примитивы», «контрфактуалы»... Тем не менее философу тоже надо заслужить право на концепцию, делом доказав свою состоятельность как переводчика и ученого. Права же на неграмотность у человека, желающего заниматься наукой, нет и быть не может.

Увы, за последнее время появилось много полуграмотных переводчиков, лихо берущихся за переводы сложнейших логико-философских текстов. Упомянем хотя бы переводы работ Ч. Пирса в 2-х томах под общим названием «Логические основания теории знаков» (изд. «Алетейя», Санкт-Петербург, 2000) и работы У. Куайна «Слово и объект» (изд. «Логос», М., 2000), читать которые попросту невозможно, не имея под рукой оригиналов текстов. (Чего стоит один только перевод *косвенной речи* в последней книге как *непрямых кавычек!* — с. 245, 247 и др.) В этом ряду «почетное» место принадлежит раскритикованному мной переводу книги Б. Рассела, выполненному Суровцевым. И остается только удивляться, как редакция «Вопросов философии» могла опубликовать столь безграмотную и откровенно лживую «реплику» Суровцева.

В заключение позволю себе дать г-ну Суровцеву три совета. Г-н Суровцев! Во-первых, перестаньте врать! Не надейтесь, что вам удастся долго вводить в заблуждение философское сообщество по поводу уровня вашей квалификации. Во-вторых, если вас действительно интересуют философские взгляды Фреге, Рассела, Витгенштейна, то прежде чем пытаться писать научные работы, посвященные их творчеству, ликвидируйте серьезные пробелы в своей логической культуре. (Ведь в «Автономии логики» вы опять в силу своей неграмотности приводите, например на с. 67 и 215, какие-то нелепые формулы и таблицы!) В конце концов, учиться никогда не поздно. Наконец, в-третьих: научитесь более ответственно относиться к публикациям! Ваша «Автономия логики» — это продолжение той «традиции» в худшем смысле слова, которую вы заложили предшествующими работами...